

ФЕВРАЛЬ

[Начало февраля 1901 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая Ладушка,
сегодня я много раздумывал о Твоей поездке к Куинджи и пришел к убеждению, что ехать Тебе одной к нему всё же странно и может не понравиться Ек[атерине] Вас[ильевне], потому спешу послать Тебе эти строчки с просьбою к Куинджи не ездить. Бог знает, как могут всякие люди отнестись к этому по существу превосходному визиту. Не езд, моя милая! Надеюсь, это письмо придёт не слишком поздно.

Мне очень дорого знать, что напишешь Ты мне на прошлое письмо.

Настроение моё по-прежнему довольно разбитое. Писать мне теперь, пожалуй, уже можно, rue des Maltvurins, 57, так как скоро оставлю мою мастерскую и перееду.

Крепко целую Тебя и ещё раз поздравляю с праздником Твоим.

Н. Рерих

Отдел рукописей ГТГ, 44/232, 2 л.

[Начало февр. 1901 г. Париж]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая моя Ладушка, сейчас 10 час. вечера.

Битых часа 2 сидел я и думал о Тебе без передышки, нестерпимо мне хочется видеть Тебя, и беру я последние письма Твои, и чудится в них мне какая-то новая любовь, и может быть, более совершенная, нежели питавшая нас прошлое лето. Ты «пожалела» меня, - а это самый важный признак настоящей, глубокой любви; Ты поняла, что не время быть светской барышней, когда происходит с близким человеком незаметная посторонним, но глубокая драма. Женщина бывает или раба, послушная силе мужской, или любит мужчину матерински, и страсть трогательно сочетается с любовью матери; первую любовь Ты начала любить меня прошлой зимою, вторую любовь (по-моему, более совершенною) Ты начинаешь любить меня теперь. Вот-то Ты хорошая какая!

У меня сейчас мелькает мысль: вероятно, моя давняя и заветная мечта осуществляется и нашёлся человек, который любит меня независимо от всего окружающего меня, а так, меня ради меня! Ведь это огромное счастье! И опять плывут у меня мысли о хорошей семье, об истинной работе, о той, которая при Твоей первой любви казалась Тебе химерой, а теперь она опять будет источником Твоей радости.

Мне чутся в Тебе перелом, и перелом хороший; да, только при сознании, что все надоели, что надо остаться одним – можно двигаться вперёд. Ладушка, Ты поведёшь меня вперёд! Ведь поведёшь? Как сиротливо Майчику-то Твоему без Тебя! И в такие-то минуты ещё является сознание, что невозможно под-

вергать дорогую жизнь случайностям богемы, что ещё, может быть, далеко то время, когда я буду иметь право спокойно назвать Тебя моею. Ну не жестокость ли это? И как недавно ещё всё казалось мне ясно, какую торною представлялась мне дорога моя, а теперь... я один, все подпорки исчезли, а теперь, как напр., сегодня, приходят со счётом из художественного магазина, и мне приходится говорить, что на будущей неделе занесу, и это из-за каких-то 200 фр.

В Петербурге меня, видимо, забыли, кто и вовсе не пишет, - а кто казённо. Самым моим лучшим корреспондентом оказался Сторонний. Зарубин что-то редко пишет, а домашние и вовсе казённичают, сестра же присылает возмутительные записочки. Напр., я пишу по получении денег за январь, что заплатил 270 фр. за квартиру и 200 фр. за раму, т. е. они видят, что на весь месяц я остаюсь без денег, а она, пользуясь тем, что я открыто не прошу прибавки, пишет, получил ли я чек Январский; если, мол, не получил, то у неё видите ли цела расписка. Только в минуты, когда Ты мне представляешься хорошей, да в минуты творчества я ещё немного забываюсь. Как жду я эти дни письма Твоего и сказать не могу.

Не могу решить, приедете ли Вы в Париж и поживём ли где-нибудь вместе лето, или это невозможно. У меня даже мелькала мысль: не обвенчаться ли нам, но так, чтобы никто не знал, а потом до перемены обстоятельств жить по-прежнему. Прямо мучительно желание видеть Тебя, обнять Тебя и называть всеми лучшими именами. Мне, бывало, думалось, не страсть ли это у меня к Тебе, а теперь вижу, что это любовь, которая научит меня быть честным и хорошим, во мне, ведь, много гадкого. А я хочу быть хорошим, жестоко хочу!

Миленькая, золотая моя! Голубчик мой, напиши мне хорошее письмо. Напиши, что любишь меня; мне так хочется слышать от Тебя ласковое словечко. Да поскорее напиши.

В картинах является новая и скоро осуществимая задача: к написанной уже «Святыне» прибавятся ещё две картины, уже сочинённые; одна – знакомый Тебе «Небесный огонь», а другая «Рассказ о боге» (над широким водным и лесным простором, на бугре высоком, у кургана, старик говорит внуку о боге; над ними плывут могучие боги – облака); все 3 картины дадут небольшую симфонию религиозную.

1. *Grave Maestoso* (Небес[ный] огонь).
2. *Andante sensibile Largo* (Рассказ о боге).
3. *Scherzo/ Allegro animato/ Marciale/* (Святыня (идолы)).

Музыкальная параллель вышла не очень-то удачная.

Голубка моя, напиши мне добренькое слово; оно так необходимо бедному Изгою. Поцелуй Ек. Вас.

Через 2 недели переезжаю. Rue des Maltmirins, 57.

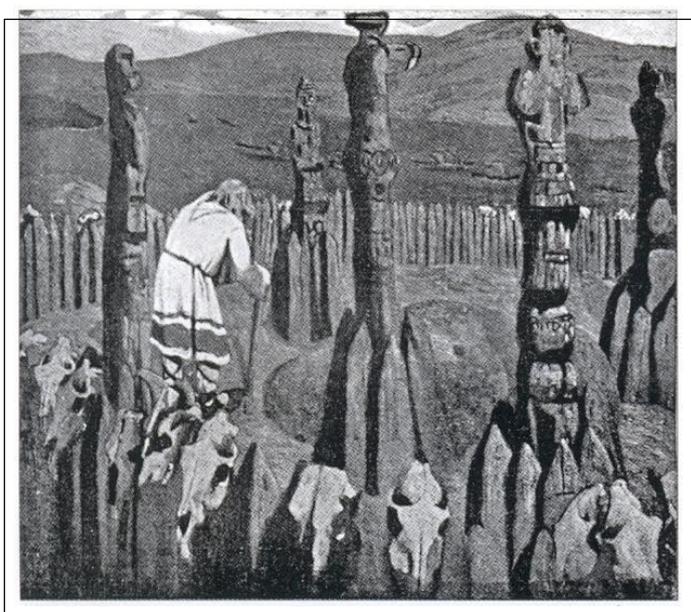
Как Твой праздник прошёл?

Что Стёпа? Что музыка? Князь? Княгиня? О ней часто говорит Рива-Берни; верно был влюблён в неё. Спроси.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/184, 3 л.

Н.К. Рерих. Рассказ о Боге. 1901.

Н.К. Рерих. Языческое (Идолы). 1901.

(Публикуется по изд.: Журнал для всех. 1904. Февраль. С. 101.)

[Февраль - март 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая Ладушка, вчера был Кормон, как он хвалил-то Майчика Твоего. Было очень хорошо. Картины советовал выставить.

Салон открывается 1 Мая н/с.

При моём теперешнем существовании у меня так мало хороших минут, что, конечно, весь вечер был радостный. Очень рад Твоему хоть краткому, но милому письму, напиши хоть раз на 6 страницах. Без конца целую Тебя.

Весь Твой *Майчик*

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/185, 1 л.

МАРТ

[Март 1901 г. Париж]

Письмо Н. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Миленькая Ладушка, с каким восторгом я перечитываю Твоё последнее хорошее письмо; давай писать теперь хорошие письма, а то у нас и без того мало весёлого и его не нужно уменьшать ещё скверной перепиской. Экая судьба скверная нам выпадает: сиди у окошка и жди погоды, а на дворе то снег, то слякоть, даже и забудешь, есть ли на свете сухое солнышко. Эти дни у меня очень плохое настроение, ибо положение стало совсем бамбуковым, и никаких комбинаций не предвидится. Попросту придётся писать домой и униженно просить прибавки на эти месяцы. Просто и не понимаю, как это люди живут; тут ничего себе не позволяешь, ничего не приобретаешь, а денег всегда нет. Ещё благодаря Лосским (хоть теперь-то не ревнуй, ибо дело касается лишь поставщиков) мне удалось дешевле получить молоко, топливо, кое-что из домашних мелочей, а то бы худо было. Вот уж к кому к кому, а [к] ним Ты ничего кроме признательности чувствовать не должна; единственные люди, которые бескорыстно о Твоем Майчике заботятся. Эх, хорошо бы было хоть ненадолго повидать Тебя летом! Осенью коли ничего нового, хорошего не будет, думаю вернуться в Питер.

Писал Свиньину, что нельзя ли хоть за 500 р. продать «Поход», а он мне ответил малоприличным, сухим письмом, - видно из хама не сделаешь пана. Евгения Конст. Лосская всё толкует мне: становитесь скорее пессимистом и на всё хорошее и радостное смотрите, как на исключение. Ведь она права, пожалуй, чем гаже будешь считать людей, тем лучше проживёшь и чаще будешь радоваться. А какое это славное чувство «радость»; чем реже оно является, тем крепче любишь и ценишь его. Ладушка милая, когда-нибудь дадим друг другу возможно больше радости!

Сегодня у меня очень болит голова и нехорошо как-то, - в чём дело, не знаю. С Салоном выходит путаница. Кормон хвалил, но он в Елисейских полях, а картина, конечно, больше подходит к Марсову полю, но там никого знакомого нет. Рискну всё-таки на Марсово поле. Екатерине Васильевне поклон. Пиши, не забывай. Целую

Майчик

Поправляется ли музыка?

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/187, 2 л.

[Конец марта 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рерих к Шапошниковой Е.И.

Хорошая моя и миленькая Ладушка, сегодняшнее письмо Твоё было для меня настоящим праздником – вот это так письмо; всем письмам письмо! Одно скверно – это Твоё здоровье; что ж бы такое сделать, чтобы нервы Твои успокоились. Ведь теперь чувствуешь, что Майчик любит Тебя; у Тебя в руках музыка; Ек. Вас. более беспокоить, вероятно, не будет; для наших худых времен и это не плохо. У меня нервы тоже поганые; даже плачу иногда по ночам. Доктор говорил, что виною моя монашеская жизнь, которая невозможна при

всех слишком разнообразных впечатлениях наших, которые мне приходится переживать.

Картины рискнул отправить в Марсовский Салон; мало шансов на принятие, но зато при прецеденте отказа Васнецову и мне отказ не так будет так тяжёл. До последнего срока приёма ещё 9 дней и я задумал сделать ещё 2 пастели и потому очень тороплюсь их окончить. Кроме того, выдумал себе ещё хлопоты; согласился в здешнем Hôtel des Savantes прочесть лекцию о русском искусстве; пришлось многое выписать для этой цели, ибо аудитория бывает многочисленная. Надеюсь прочесть недели через 3. Веду переговоры с Московским Историческим Музеем о подарке туда моих бедных «Старцев»; если дело обставится почётными условиями, то, конечно, подарю; всё же лучше, нежели отдавать их в заграничные руки за бесценок.

Насчёт места Собки – нечего и думать, ибо если бы оно было мне подходящим, то я давно и взял его, а не отказывался, когда мне о такой возможности намекали. Такое место можно брать лишь при желании бросить навсегда искусство; наполненное мелочами, каверзами, сплетнями занятие секретаря Общества Поощрения Художеств занимает всю жизнь наглухо, и я не только себе не желаю такой печальной участи, но душевно болею и за Зарубина, которого я с самыми лучшими намерениями втащил в помойную эту яму. Недаром Обществу так долго не найти заместителя Собке – все, кто получше, найдут.

Курьёзно впечатление моих картин на французов. «Идолы», т.е. которая больше, и которая и мне и всем русским нравится больше, французам не по вкусу, а вторая – «Охота» (почти повторение той, что Ты видала у меня весной), которая по-моему, вещь вовсе незначительная – им нравится очень. Сейчас закончил пастель: древнерусский город – не худо удался тон вечера. Вообще я замечаю на последних работах моих небывалую мягкость.

Не помню, писал ли Тебе о Пювис-де-Шаванне. Чем более я всматриваюсь в его работы, чем больше слышу о его рабочих приёмах, его жизни, привычках, тем больше я изумляюсь большому сходству многого, что есть у меня. Только бы работать без усталости, а толк рано или поздно получится. Впоследствии надо завести такое обыкновение, чтобы каждый год появлялось по картине: в Петербурге, Париже, Лондоне и Мюнхене.

Вчера был на здешней новинке «Астарта» Леру, написанной для Эглон, известной куртизанки. Музыка не особенная и много заимствовано из Вагнера; напр., известная вагнеровская фраза из Валькирии (Гойа-иго-го!) повторяется много раз целиком. Поставлена хорошо; много эффектных положений; особенно картинна сцена, когда во дворце Омфалы, после вакханалии все засыпают и вся сцена полна тел, во всевозможных положениях. Сюжет.

Сюжет: Геркулес у Омфалы. Хорош и пожар дворца, когда Геркулес погибает от одежды Несса.

Сейчас опять сажусь за лекцию; ужасно скучно ее писать; прочту её вероятно поганно, ибо отвык читать и стал очень малоразговорчивым. Радуюсь за Стёпу; какие экзамены сдаёт он? На каком факультете.

Не хворай, миленькая; ну да музыка избавит Тебя от всего нервного; я знаю по живописи, как хорошо отвлекает она и настраивает нервы.

Крепко целую. Покл. Ек. Вас.

Отдел рукописей ГТГ, ф., 44/188, 4 л.

[Март-апрель 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая, родная моя и золотая Ладушка, точно предчувствовал я что-то нехорошее и сегодня не спал до 4 утра, а наутро подаю письмо Твое, с отвратительной фразой «кровь из горла»; это худо! Грудное ли это или нервное, всё равно худо. Ты словно обижаешься, что я думаю об искусстве; да как же мне о нём не думать? ведь если вычеркнуть из меня искусство, то ничего не останется; останется нервная тряпица и более ничего.

Береги себя, миленькая! Если бы Ты знала, как скучно мне. Эти дни вечерами вечером ловил себя на громком разговоре с Тобой. Пишу коротко и скверно, потому что чернил хватило лишь на конверт, а это пишу тушью – она расплывается и ничего не выходит. Скоро напишу хорошо, а теперь хочу чтобы пошло сейчас с первою почтой.

Картинами не доволен.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/189, 1 л.

[Март -апрель 1901 г. Париж]

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Миленькая Ладушка, сейчас принесли чернил и потому пишу. Сегодня у меня довольно решительный день – последний срок представления в Салон; недели через 1½ узнаю, вероятно, и результат уже. Думается почему-то, что он будет отрицательный – вот-то обида будет! Картинами страсть не доволен – они совершенно незначительны. Вот, Бог даст, осенью вернусь в СПб. – и тогда заварю что-нибудь очень солидное. Из эскизов подготовлены к разработке два больших панно «Княжья охота» и «Предательница».

Эти дни ужасно переходное состояние; не хочется здесь начинать ничего нового, хочется к дому, чтобы уже там браться за дело и видеть Тебя.

Где же Ты думаешь проводить лето? Мне сдаётся, что сидеть с Твоими нервами в неподвижном Бологове прямо невыносимо, Тебе нужен моцион, лечение, души, всякие Sonn и Luftbad'ы. Около Дрездена есть для этого превосходное место (док. Ламанн) – мне его здесь очень хвалили. Вот бы недельки 4 Тебе отдать себя ему в распоряжение. Я подумываю тоже о Ламанне.

Сейчас вернулся из Grand Palais где выслушивал очень лестные замечания со стороны Эдельфельдта; мнение его мне очень приятно, ибо он меня вообще не знает и высказывания Саглио, а тот уже передал мне и кстати и познакомил нас. Но всё-таки сие меня не успокаивает, и мне предстоит дней 10 неприятного ожидания.

Не представляю, очень ли заботит Тебя судьба моих картин? Хотя на расстоянии, да ещё при нездоровье всё прочее кажется слабее.

Недели через 3 Лосские думают ехать в СПб. Напиши мне, хочешь ли от них услышать что-либо обо мне; если хочешь, то я устрою, и они приедут к Вам рассказать, каков я и как живу.

Иногда я пытаюсь представить себе Тебя похудевшею, но всё выходит очень красивым.

С восторгом перечитываю я Твоё длинное письмо; Бог даст, Твой Майчик напишет кое-что получше Левитана.

Скучно мне, Ладушка; уже появляются официальные знакомства, а у меня всё стремится к интимности. Поправляйся. Ек. Вас. поклон.

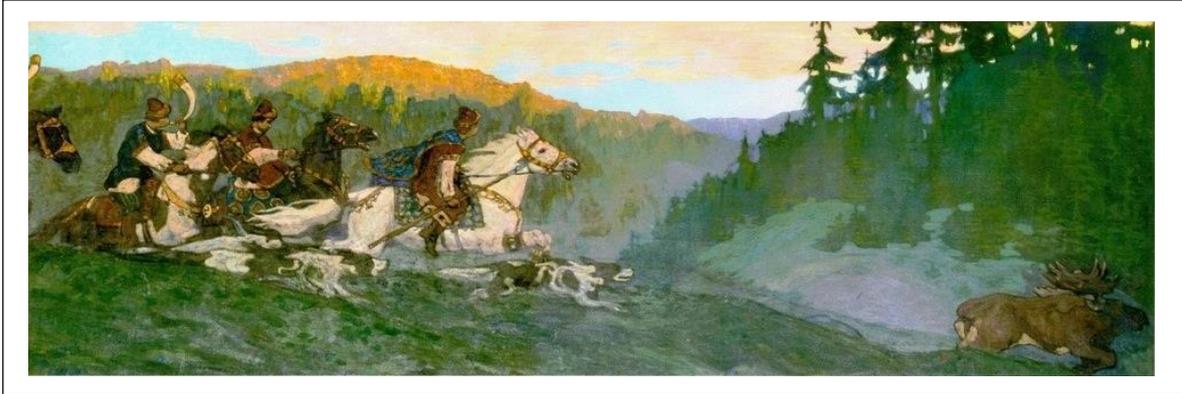
Суббота.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/200, 2 л.

Н.К. Рерих в парижской мастерской перед картиной «Княжья охота». 1901.

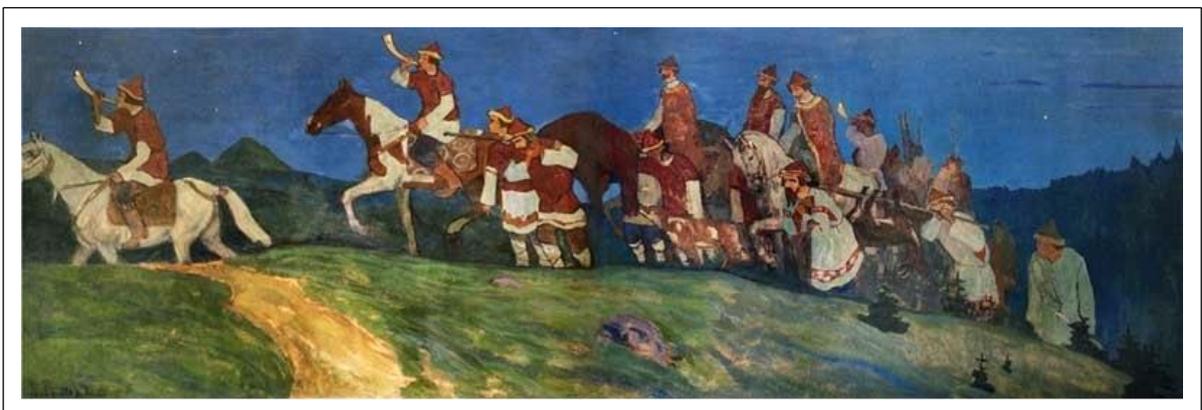
«Из эскизов подготовлены к разработке два больших панно «Княжья охота» и «Предательница»...»

Н.К. Рерих. Княжья охота. Утро. 1901.

Н.К. Рерих. Княжья охота. Утро. 1901. (Вариант)

Н.К. Рерих. Княжья охота. Вечер. 1901.